

яне, торговцы и чиновники, городские низы и представители феодальной аристократии, в том числе и некоторые принцы крови.¹⁹

В политическом плане это означало то, что закладывались основы взаимодействия армии с тем сектором общества, настроения, мысли и чаяния которого были созвучны стереотипам традиционного правосознания. Для них, то есть этих стереотипов, не требовалось серьёзного идеологического обоснования, достаточно было апелляции к эмоциям мусульман. Иными словами, мощная струя политико-религиозного движения демонстрировала (возможно, и вопреки подымавшемуся на его волне в лидеры со “священными полномочиями” А. Ораби) потенциал сопротивления европейскому влиянию и переменам, навязанным извне.

Восходящая линия этого сопротивления (восстание под знаменем джихада) была прервана вооруженной интервенцией англичан в сентябре 1882 г. Его поражение стало началом длительного социального и духовного кризиса нации. Потребовалось более четверти века, прежде чем начался новый этап освободительного движения. За это время египетский национализм окончательно утратил специфику, придаваемую ему османизмом и религией, а Вафд (организация, возглавившая борьбу за независимость) с самого начала заявил о себе как секуляристская либерально-реформистская партия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кошелев В.С. Египет от Ораби-паши до Саада Заглула. 1879-1924. М., 1992. С. 58, 75, 77.
- ² Cole J.R. Colonialism and Revolution in the Middle East: Social and Cultural Origins of Egypt's Urabi Movement. Princeton, 1993. P. 218.
- ³ Рассчитано по; Иса Салах. Ас-Саура аль-Урабийя. Бейрут, 1973. С. 130; Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX - первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 104; Cole J.R. Colonialism... P, 218.
- ⁴ Подробнее см.: Иса Салах. Ас-Саура... С. 128; Норов А. Путешествие по Египту и Нубии в 1834-35 гг. Авраама Норова. Т.І. СПб., 1853. С. 184-185.
- ⁵ Иса Салах. Ас-Саура... С. 143.
- ⁶ Айру А. Феллахи Египта. М.-Л., 1954. С. 140.
- ⁷ Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 1986. С. 130.
- ⁸ Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832-1834 гг. Т.І. М., 1869. С. 67-68; Клот-бей А.Б. Египет

в прежнем и нынешнем своём состоянии. Ч.Ц. СПб., 1842. С. 205.

- ⁹ Аз-Зият, Абд аль-Халим. Аль-Бина ат-табакий ва ат-танмийя ас-сиясийя фи аль-муджтама иль-мисрий 1805-1952. Каир, 1985. С. 210.
- ¹⁰ Иванов Н.А. Арабо-османская община в XVI-XVII вв. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С.65-66.
- ¹¹ Богушевич О.В. Первая египетская конституция 1879 г.// Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. XLV. М., 1961. С.72.
- ¹² Blant W.S. Secret History of the English Occupation of Egypt. Being of Personal Narrative of Events. L., 1907. P. 483.
- ¹³ Кильберг Х.И. Восстание Араби-паши в Египте. Антибританское национально-освободительное движение в Египте (1879-1882 гг.) М.» Л., 1937. С. 145.
- ¹⁴ Там же. С. 109.
- ¹⁵ См.: Blant W.S. Secret History... P. 173-180, 556-559.
- ¹⁶ Иса Салах. Ас-Саура... С. 394-400.
- ¹⁷ Кошелев В.С. Египет от Ораби-паши... С. 98,
- ¹⁸ Васаик тарихийя ан ас-сура аль-урабийя //ат-Талиа.1966.№3.С.152.
- ¹⁹ Горячкин Г.В. О раннеклассовых выступлениях египетских наемных рабочих в 1882 г.// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1982. № 4. С. 30-32; Ураби Ахмад. Такрир ан иль-ахдас алляти вакаат би Мыср. Каир, 1982. С. 42.; Селим Латыф. Аль-кыва аль-Иджтимаийя фи ас-саура аль-урабийя. Каир, 1981. С.355-356.

П. Г. Аграфонов

МНОГОЛИКИЙ ГЕРАКЛ

Свод сказаний о деяниях Геракла сложился из самых разнообразных элементов. В нем слилось не только множество мифов, происходящих из разных областей Греции, но вошло и немало чужеземных. “Хотя Геракл самый греческий из греческих героев, образ его синкретичен. Кроме тех побед, о которых так много говорили в древности, он совершил еще одну — незаметную... он победил множество мифологических персонажей негреческого происхождения и вобрал их в свой образ со всеми их аксессуарами.” [1. С. 68] Диодор Сици-

лийский (III, 74) сообщает о трех героях по имени Геракл: одном египтянине, Геракле-Дактиле с Крита и сыне Алкмены. Цицерон доводит число таких героев до шести (О природе богов III, 16), Варрон — до сорока трех (Сервий. Комментарии к “Энеиде” Вергилия VIII, 564). Геродот (II, 42) говорит, что когда он спросил о первоначальной родине Геракла, египтяне назвали ему Финикию. В другом месте (VII, 91) он пишет о бронзовой статуе, посвященной фасосцами тирскому Гераклу. Десятиметровый исполин был изображен с атрибутами героя — палицей и луком. Все это произошло за пять поколений до того, как в Греции родился Геракл, сын Амфитриона. Тирский герой был стрелком из лука — солнечным богом (Нонн Панополитанский. Деяния Диониса, XL, 380), а также покровителем учености, благодаря чему Тир и стал знаменитым городом. Интересно в связи с этим замечание Павсания, который писал, что фасосцы почитали вначале “того же самого Геракла, как и в Тире, но впоследствии, когда их стали считать эллинами, они стали воздавать почет и Гераклу, сыну Амфитриона” (V, 25, 12-13). Согласно Диодору Сицилийскому (I, 17 и 24; III, 74), египетского Геракла звали Сом или Хам, и он жил за 10 000 лет до Троянской войны, а его греческий тезка унаследовал от него все подвиги. “Геракл, сын Алкмены и Зевса... вначале, как говорят, носил имя Алкея, но получил прозвище Геракла, который почитался у тогдашних людей в качестве бога. Поэтому издавна гласит молва, что в Фивах была найдена частная статуя Геракла со следующей надписью: “Алкей, сын Амфитриона, Гераклу в знак благодарности” (Секст Эмпирик. Против ученых). “Сюжет, в котором фигурирует Геракл, — это своего рода крючок, на который нанизано большое количество как связанных между собой, так и независимых, а то и просто противоречивых мифов” [2. С. 339].

Опираясь на свидетельства античных авторов, можно выделить несколько основных персонажей, культы которых слились в культе Геракла. Один из них — Гильгамеш. Как и Геракл, Гильгамеш убивает чудовищного льва и носит его шкуру (VIII, 3, 7; XI, 15), схватив за рога, одолевает небесного быка (VI, 145сл), находит таинственный цветок вечной молодости (XI, 247), посещает сад Инанны, где, убив змею, поселившуюся на чудесном дереве, получает священные предметы из подземного мира (X, 2,35). Отношения между Гильгамешем и его другом Энкиду во многом напоминают отношения между Гераклом, Тезеем и Перифоем. Можно отметить сходство в описании путешествия

Геракла на остров Эрифию и аналогичного путешествия, совершенного Гильгамешем.

Еще один персонаж, деяния которого приписаны были Гераклу, — финикийский бог Мелькарт. Уже Филон Библский сближает Геракла с финикийским Мелькартом (Евсевий. Церковная история I, 10). Аналогичное отождествление обнаруживается у целого ряда других античных авторов (Саллюстий. Югуртинские войны XVIII, 3; Страбон III, 5,3; Аппиан I,2). Геродот (II, 44) и Арриан (Поход Александра II, 16, 2). посвятили этой проблеме отдельные экскурсы в своих сочинениях. Мелькарт в представлениях древних — бог-воитель, покоряющий новые земли, обладавший функциями морского божества. Сильны в его культе были и хтонические черты [3. С. 11-12; 4. С. 88].

Путь Геракла на Запад к Гибралтарскому проливу (“столпам Мелькарта”, которые стали называть “столпами Геракла”) проходил по маршрутам финикийской колонизации и отражает географию почитания Мелькарта. Видимо, от Мелькарта к Гераклу перешли черты солнечного божества, так как, по представлениям древних, финикийский Геракл был солнечным божеством, олицетворением солнечной силы — благодатной и губительной. Этот Геракл, вероятно, теснейшим образом связан с египетским Сомом, сыном Аммона — солнечным богом. Он — символ “вечно борющейся и в конце концов всегда побеждающей солнечной силы” [5. С. 299]. Как солнечного бога Геракла прославляет посвященный ему гимн, согласно которому неутомимый бог с утра до вечера одерживает 12 побед (Орфический гимн “К Гераклу”). Не случайна дружба Геракла с богиней света Афиной и Аполлоном. Впоследствии, однако, его постигла общая участь солнечных героев: он не остался, подобно Аполлону, богом, каким был изначально, а был низведен до степени полубога. Культ Геракла все же имел существенные отличия от почитания Мелькарта. Так, по свидетельству Плиния Старшего, в Тире перед храмом Мелькарта совершались человеческие жертвоприношения (XXXVI, 39), а Геракл прославился в Италии отчасти потому, что запретил приносить в жертву людей (Овидий Фасты V, 620сл).

Култ Геракла не только впитал в себя особенности почитания других богов и героев. С ростом популярности этого героя и расширением античной Ойкумены возникает и обратный процесс — местные герои и боги ассоциируются с Гераклом. Такая ситуация наблюдается, например, на Востоке — в Вавилонии, где после македонского завоевания среди терракот появились фигурки Геракла,

как изготовленные по импортным формам, так и местные. Однако Геракл этот — “несомненно вавилонский Нергал, который заимствовал свою наготу, львиную шкуру и палицу у греческого Геракла и отличается от него лишь более приземистыми пропорциями фигуры.” [6. С. 123]. Иногда “в надписях под двойным и даже тройным именем упоминаются великие иранские божества Оромазд, Митра, Артагн, слившиеся с Зевсом, Аполлоном-Гелиосом, Гераклом” [6. С. 48]. В Ашшуре среди греческих божеств наиболее популярен был образ Геракла, в котором, однако, можно видеть черты местного героя — Малека [7. С. 190-192]. Лукиан по внешним признакам — наличию львиной шкуры и палицы — сравнивал Геракла с богом Галлии Огмом. В Британии Геракл отождествлялся с богом племени сигонтиев (*Corpus inscriptorium latinarium*, VII, 6). Тацит в “Анналах” и в произведении “О происхождении германцев и местоположении Германии” пишет, что Римский Геркулес соответствует германскому богу Донаргу, иранскому богу Веретрагну и ассирийскому богу Сандану или Сандону, так как мифология наделила их сходными чертами и сходными атрибутами. Контаминация образа Геракла и Санда-Сандона-Санерга позволила ввести героя в лидийский цикл мифов (сказания о службе героя у Омфалы). Именно Сандон-Геракл считался предком боспорских царей [8. № 53, 980, 1048].

Наиболее ярким примером трансформации образа Геракла явилось включение этого героя в пантеон богов Древнего Рима. Римский Геркулес заметно отличался от своего греческого прототипа. “Попав на итальянскую почву, культ Геракла соединился с культом подобного местного героя. Этот персонаж, вероятно, был гением, богом брака и клятвы и супругом Юоны или богини земли Акки Ларенции (в произведениях этрусского искусства место Юоны занимает Минерва). Он носил также имя Гарани или Рекарана, и от его союза с дочерью Фавия произошел царь Латин. У сабинян он назывался *Semo* или *Semo Saneus*” [9. С. 475]. Римский Геркулес получает новые прозвища — *Victor* (Победитель), *Invictus* (Непобедимый) и т. д. Как покровитель армии он соединяет черты Геракла и Марса. Это отразилось в парном изображении обоих богов на вотивных рельефах первых веков нашей эры [10, Tab. III, 3]. Расширяются и изменяются сферы его влияния. Геркулес, с одной стороны, почитается как аристократический бог, и рабы не допускаются к его культу (Сервий. Комментарии к “Энеиде” VIII, 179). С другой стороны — “как божество, близкое Сильвану и ларам,

Vona Dea, он народное божество” [11. С. 60]. Его почитали также как сельского бога, а также как бога торговли, прибыли. Наконец, Геркулес (культ которого относился к исключительно мужским) был покровителем римских легионеров, военных лагерей. Именно в таком качестве он почитался в Тибуре, где имел свою коллегия салиев, аналогичных римским салиям Марса.

Все эти ипостаси Геркулеса отражены (в разной степени) в находках, сделанных в Херсонесе и на его хоре. Среди посвящений II в. н. э. можно выделить два, предположительно относящиеся к Геркулесу Победителю [12. С. 190]. Веским аргументом в пользу мнения о широкой популярности культа Геркулеса среди легионеров служит недавняя находка святилища Геркулеса, расположенного на ближайшей хоре Херсонеса. В целле святилища был найден алтарь — постамент с надписью *HERCULE SAC [RUM]*, а рядом встречены фрагменты мраморной статуи героя [13. С. 38]. Интересна и другая находка, происходящая с хоры Херсонеса, — фрагмент плиты с изображением Геракла и Гермеса, предназначенной, вероятно, для установки в нише, возможно — в целле святилища, посвященного этим богам [14. С. 51]. Связь их можно объяснить сходством функций — покровительство торговле, рынку. Большинство же скульптур римского времени показывает классический образ героя, иллюстрируя подвиги Геркулеса или представляя его в момент отдыха [15. № 60, 61; 16. С. 344]. На связь Геркулеса с загробным миром указывают рельефы с изображением подвигов героя, встреченные на стенах саркофагов [15. № 465, 466].

Заманчиво было бы увязать с культом Геракла изображения конного божества Хероса, получившего широкое распространение во Фракии, а позже — в IV — III вв. до н. э. — в Херсонесском государстве и на Боспоре. В этом герое многие исследователи склонны усматривать конного Геракла, синкретизированного, возможно, с местными героями или богами [17. С. 17-18; 18. С. 28-29; 19. С. 39]. Другие исследователи, впрочем, считают, что Херос является своеобразным олицетворением Ахилла [20. С. 187], Диониса-Сабазия [21. С. 71] или других персонажей. Интересна позиция третьей группы ученых, по мнению которых сами древние не имели единого представления о роли и функциях своего конного бога [22. С. 248; 23. С. 174].

Отметим, что и сами античные авторы называли Геракла конником, покровителем коней, конным богом. Известно только одно свидетельство

Страбона, описавшего случай, когда Геракл уступил врагу как конник (VII, 43). Не следует забывать все же, что противником Геракла в этом случае был сам Диомед, непревзойденный всадник. Геракл часто сражался конным, одним из первых его навыков в детстве было управление колесницей (Аполлодор II, 4, 9), отчасти благодаря колеснице он совершил свой второй подвиг (Аполлодор II, 5, 2), волшебную упряжку коней подарил ему Посейдон (Диодор Сицилийский IV, 14). Связь Геракла с лошадьми прослеживается и в сюжете, когда он одалживает у Гелиоса его колесницу для совершения очередного подвига. И все же, несмотря на обилие примеров, показывающих Геракла как конного героя, следует осторожно отнестись к попыткам отождествления Геракла и Хероса. На вотивных рельефах Фракии и Нижней Мезии есть совместные изображения двух богов — Геракла и Хероса [24. Р. 176-180]. Конный Геракл, изображения которого есть, в частности, на вазах, стилистически далек от рельефов, показывающих Хероса. Верной кажется точка зрения С.М.Крыкина, выраженная в одной из его ранних работ: “хотя терракоты Геракла в традиционном обликий атлета современны и сопутствуют фигуркам всадника на Боспоре, этот факт не способствует уверенной интерпретации конного персонажа” [25. С. 18].

Не менее сложным является вопрос о правомерности сопоставления Геракла со скифским героем-эпонимом Таргитаем. Известно, что с IV в. до н.э. в Скифии появляется значительное количество изображений персонажа, имеющего палицу, львиную шкуру, лук. “Скифский Геракл” или его атрибуты появляются на монетах скифских царей, различных ювелирных украшениях и т. д. Вопрос о возможности отождествления этого персонажа с греческим “прототипом” нужно рассматривать в контексте дискуссии о соотношении “греческого” и “скифского” в религиозных представлениях и — шире — в культуре населения припонтийских степей.

Большая группа исследователей склонна считать уровень эллинизации скифского общества настолько высоким, что в среде скифов греческие религиозно-мифологические представления возобладали над местными. Другие ученые полагают, что нужно говорить о синкретизме греко-скифских культов. Наконец, третья точка зрения сводится к тому, что знакомство скифов с греческой мифологией было поверхностным, не затронувшим сути их религиозных верований. По мнению Б. Н. Гракова, именно местные божества “стали воплощаться в многочисленных частью греческих, час-

тью туземных изображениях” [26. С. 15], поэтому найденные в Скифии изображения Геракла нужно связывать с собственно скифскими мифами и культурами и можно отождествить Геракла со скифским мифическим прародителем — Таргитаем. Эта позиция кажется верной в свете описанных выше случаев контаминации Геракла с другими местными героями и богами. Однако во взаимоотношениях греков и скифов не наблюдалось ин-териоризации — заимствования внутренней сути вещей и явлений через внешние признаки. Можно согласиться с Д. С. Раевским, полагавшим, что “проанализированные Б. Н. Граковым изображения Геракла не являются ни памятниками заимствованного скифами культа греческого героя, ни свидетельством религиозного синкретизма, ни проявлением особой популярности эллинских сказаний и их персонажей в скифской среде. Речь должна идти об использовании в скифской религиозной практике изобразительных памятников, созданных в инокультурной среде и порожденных иной мифологией” [27, 67].

Несомненно, что культ Геракла, один из самых древних в античном мире, был синкретичен и сложен. Многочисленные варианты сказаний об этом герое свидетельствуют о том, что когда со временем Геракл стал не только дорийским, а всеэллинским героем и на реальное наследие этого героя стали претендовать многие города и племена, они придавали ему новые черты, приписывали новые подвиги или же по-новому варьировали старые. Поэтому вокруг образа Геракла сплелось множество различных мифов — архаических и поздних, местных и всеэллинских, общенародных и созданных отдельными социальными группами. По мнению А. И. Немировского, Геракл был первоначально героем Арголиды. В Фивах его отождествляли с местным древнейшим героем Иолаем, который впоследствии был переосмыслен как его спутник и родственник, а затем вовсе забыт. На Крите образ Геракла вобрал в себя черты местного героя, причастного к основанию Олимпийских игр и к различным деяниям на островах. “Таким образом, только на Балканском полуострове в микенскую эпоху Геракл вобрал образы трех героев, а после Троянской войны он соединился с дорийским героем, совершавшим деяния в Северной Греции и воевавшим с фракийцами” [28. С. 182]. Вполне возможно, что в северопонтийских колониях этот образ также приобрел новые черты.

“Синкретизм, пожалуй, наиболее характерное явление для идеологии поздней античности, исходя из этой предпосылки, можно допустить, что в

Херсонесе культ Геракла заметно отличался от первоначального, чисто греческого культа” [14. С. 49]. Культ Геракла в Херсонесе складывался на основе двух традиций: чисто греческой и местной, скифской. Хотя, по мнению В. Ф. Мещерякова, источники не дают ничего, что позволило бы говорить об отправлении в Херсонесе таврских, скифских и сарматских культов” [29. С. II], черты местных богов проступают в “херсонесском Геракле”. Не случайны находки терракот, изображающих Геракла близким по облику местным жителям. Подобные находки, кстати, встречены не только в Херсонесе, но и на Боспоре. По мнению Н. А. Щеглова, серьезные отличия в поклонении Гераклу в Херсонесе от чисто греческого культа этого героя наступают лишь к первым векам н. э. [14. С. 49]. Однако, на наш взгляд, эти различия дают о себе знать гораздо раньше. Почти с самого основания полиса культ Геракла в Херсонесе отличался от почитания этого героя в Греции. Не исключено, что это связано с тем, что метрополией Херсонеса была Гераклея, сама бывшая когда-то колонией, и культ Геракла уже там претерпел определенные изменения. В Херсонесе отличия Геракла от греческого “прототипа” проявились, видимо, в усилении соотерических черт его образа, причем в первую очередь герой выступал защитником и спасителем херсонесской хоры и, возможно, пограничным покровителем, подобно тому, как такую роль он играл в Ольвии. Доказательством этого служат находки рельефов, изображающих Геракла и его атрибутов, происходящие с херсонесской хоры и относящиеся к IV -III вв. до н.э., а также открытые в последние годы комплексы домашних святилищ, где вместе с фигурками Геракла были обнаружены статуэтки Девы и земледельческих божеств:

Деметры, Диониса, Сабазия. Эти находки отражают еще одну отличительную особенность “херсонесского Геракла” — тесную связь с земледелием и плодородием. Не исключена возможность контаминации образов Геракла и Асклепия, в таком случае герой мог выступать в роли покровителя лечебных источников и целебных грязей. Близость этих персонажей должна была усиливаться представлениями об Асклепии и Геракле как обожествленных героях, преодолевающих смерть.

Итак, сложность, “многосоставность” образа Геракла свидетельствует, в частности, о древности его культа. Образ героя вобрал в себя черты богов и героев разных стран и эпох; в свою очередь, позже, с ростом популярности Геракла, возникает обратный процесс — местные божества впитывают его черты или ассоциируются у населения с Ге-

раклom. С течением времени образ Геракла развивается, теряет старые и обретает новые черты, воплощаясь и обогащаясь под действием времени и местных влияний. Наиболее яркий пример такой трансформации — римский Геркулес. В Херсонесе образ Геракла также претерпел некоторые изменения, выразившиеся в расширении соотерических функций, черт хтонического и пограничного героя и некоторых других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинская Л.С. Легенды и археология. М., 1988.
2. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.
3. Макушкин М.П. Миф о Геракле как источник по истории Северо-Западной Сицилии в догреческую эпоху // Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978.
4. Циркин Ю.Б. Мифология Мелькарта // Античный мир и археология. Вып.3, Саратов, 1977.
5. Keller O. Lateinische Volksetymologie und Verwandtes. Leipzig, 1891.
6. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985.
7. Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.
8. Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
9. Геракл // Большая энциклопедия. Спб., Т.VI, 1903.
10. A. von Domaszewski Die Religion des roemischen Heers // Westdeutsche Zeitschrift fuer Geschichte und Kunst. Trier, 1895.
11. Штаерман Е.М. Отражение классовых противоречий II-III вв. в культе Геракла // Вестник древней истории. 1949. № 2.
12. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
13. Золотарев М.И., Савеля О.Я., Филиппенко А.А. Отчет об охранных раскопках в 1996 году // Архив национального заповедника Херсонес Таврический, дело 37299.
14. Щеглов А.Н. Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
15. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
16. Кузищин В.И. Изучение позднеантичной сельской виллы в окрестностях Севастополя // Археологические открытия — 77. М., 1978.
17. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII — V вв. до н. э.) // Советская археология. 1964. № 2.

18. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в I в. до н. э.— III в. н. э.) // Советская археология. 1964. №4.
19. Ботушарова Л. Тракийски култове от Филиппол // Годошник на народния музей в Плов-див, IV.
20. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI — II вв. до н. э. М., 1981.
21. Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
22. Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
23. Щеглов А.Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
24. Saratov T. Sur la culte d'Heracles en Bulgarie. // Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. Sofia, 1963.
25. Крыкин С.М. Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья. Автореф. дисс. канд. ист. н. М., 1987.
26. Граков Б.Н. Скифский Геракл // Краткие сообщения института истории материальной культуры, XXXIV, 1950.
27. Раевский Д.С. Эллинские боги в Скифии? // Вестник древней истории. 1980. № 1.
28. Немировский А.И. Мифы древней Эллады. М., 1991.
29. Мещеряков В.Ф. Религия и культуры Херсонеса Таврического в I—IV вв. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. н. М., 1980.

В. А. Летин

Рай. Улица Счастья, Гоголю. (Место и роль города в творчестве Н. В. Гоголя)

“Странными” называл Н.В.Гоголь те истории, что выходили из-под его пера. “Самый необыкновенный из прозаиков и поэтов, каких когда-либо рождала Россия”, и не мог написать обыкновенных историй [1].

Гоголевские повести и рассказы, пьесы и поэма привлекают читателей замысловатостью лиц, изображенных автором, и положений, в которых эти лица оказываются по ходу действия. Литературоведам подобное качество художественных произведений представляется благодатным полем для самых разнообразных исследований. Однако многие из них, рискуя заблудиться в пространстве, насыщенном самыми неожиданными умозаключениями, предпочитают предусмотрительно придерживаться проторенных предшественниками путей, в результате чего одни и те же аспекты творчества писателя превращаются едва ли не в общие места школьных учебников. Примером могут служить многочисленные вариации на тему природы и значения гоголевского смеха, особенностей гротеска, отражения фольклорных традиций или бытовых реалий. Так, одним из малоисследованных моментов является тема Города в произведениях и жизни Гоголя. В то же время сам писатель словно провоцирует исследователей к этому, либо вынося в заглавие сборника и повести названия городов Миргород (1836) и Рим (1842), либо до такой степени пропитывая страницы собственных произведений атмосферой определенного города, что за шестью повестями, созданными в период с 1836 по 1842 годы и опубликованными под одной обложкой в 1842 году, в критике закрепляется наименование “петербургских”.

Мы предполагаем, что присутствие в жизни писателя и в его творчестве Миргорода, Петербурга и Рима имеет значение гораздо большее, чем просто обозначение места его проживания в различные периоды жизни. Естественно, что объем статьи не позволит в полной мере проанализировать природу Города и те законы, по которым в гоголевских городах строится жизнь. По этой причине мы поставили перед собой более скромные цели. Здесь мы попытаемся, во-первых, определить местоположение указанных городов в художественной картине мира писателя и, во-вторых, выявить их смысловую значимость для писателя.

Прежде всего обратим внимание на следующее обстоятельство: до сих пор исследователи гоголевского творчества относились к названиям городов буквально как к географическим наименованиям, связанным с фактами пространства реальной жизни. Однако, став частью художественных произведений, они обрели качества художественного пространства, а “художественное пространство,— по утверждению Ю.М.Лотмана,— представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений” [2].